

Abstract. *The paper discusses the problems of redistribution of powers between the center and the regions and decentralization of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions in 1987–1990 in the context of the overall management reform in the country. It is noted that the transfer of authorities from the center to the regions and the development of programs for the integrated regional socio-economic development during this period was carried out in the strict accordance with the law, but taking into account the specifics of the territory. As a result, the regions made demands to the centre on their need to have guaranteed payments to the regional budget to ensure local interests.*

Keywords: *decentralization, regional policy, socio-economic development, subject of the Russian Federation*

УДК 314:303.7

РАКАЧЕВ Вадим Николаевич — к.и.н., доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета (350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149; midav.sf@rambler.ru)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНОГО И ПРИШЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ КОМПЕНСАЦИОННОЙ МИГРАЦИИ 1930-х гг.

Аннотация. В статье, основанной на архивных материалах, значительная часть которых введена в научный оборот впервые, рассматриваются проблемы адаптации и специфика взаимоотношений переселенцев и местных жителей на Северо-Западном Кавказе в процессе принудительных миграций сталинского периода. Перед властью стояла задача восполнения демографического баланса на опустевших вследствие репрессий и голода территориях за счет политически лояльного населения, прежде всего красноармейцев. Однако установлению нормальных отношений в значительной степени мешала идеологическая пропаганда, направленная против казаков, их неприязнь к переселенцам и объективные трудности хозяйственной разрухи. Анализируется проблема «обратничества» (бегства) переселенцев. Делается вывод о неэффективности административного подхода к переселению и закреплению мигрантов.

Ключевые слова: компенсационные миграции, Ставрополье, Кубань, местное население, мигранты, социальное взаимодействие, адаптация

Взаимоотношения местного и пришлого населения на Северо-Западном Кавказе находятся в поле изучения ученых достаточно давно. Еще во времена Кавказской войны появляются первые работы, посвященные этой проблеме. Советский и современный период ознаменовались изданием фундаментальных междисциплинарных трудов о взаимоотношениях мигрантов и местного населения. Вместе с тем, несмотря на достаточно глубокую проработанность проблемы, здесь еще остаются «белые пятна». Одна из таких тем, практически не затронутая в исследованиях, — это взаимоотношения местного и пришлого населения в процессе принудительных миграций сталинского периода.

Для понимания процессов взаимодействия мигрантов и местных жителей большое значение имеет исторический контекст рассматриваемых событий. В ходе реализации программы хлебозаготовок 1930–32 гг. особое внимание уделялось южным регионам, важным с точки зрения экономической (хлебные регионы) и военно-стратегической (близость к границе). К числу таких территорий относились Кубань и Ставрополье — историко-географические регионы, которые к 1937 г. оформились в административно-политические единицы — Краснодарский и Ставропольский края, включавшие на тот момент Адыгейскую, Карачаевскую и Черкесскую автономные области. Совокупность этих территорий с историко-географической точки зрения представляется как единый регион — Северо-Западный Кавказ.

Действовавшая здесь в 1932 г. государственная комиссия по организации хлебозаготовок под руководством Л.М. Кагановича применяла жесткие меры, приведшие к массовому голоду и депортации части местного, по преимуществу казачьего

населения за пределы Северо-Западного Кавказа. Выселение ряда станиц, занесенных на «черную доску» как не выполнивших планы хлебозаготовок, было важным пропагандистским шагом советской власти, предупреждением тем, кто не понимал серьезность и важность государственной программы. Суть «черной доски» заключалась в запрещении контактов с провинившейся станицей, прекращении завоза товара, выселении так называемого «контрреволюционного населения» и других репрессивных мер. Вывешивание черной доски/черного флага выстраивало четкие параллели с эпидемией (черный флаг вывешивали во время чумы или других эпидемий, и доступ в данный населенный пункт был запрещен до полной ликвидации болезни).

Вследствие репрессивных мер и голода 1932–1933 гг. опустели значительные территории. Теперь перед властью стояла важная стратегическая задача – восполнить демографический баланс на этих территориях за счет политически лояльного населения. Одним из основных контингентов, использовавшихся в ходе освоения территорий, в т.ч. и на Северо-Западном Кавказе, являлась армия. Используя армию при заселении и освоении новых территорий, правительство получало лояльных в политическом и идеологическом плане поселенцев. Соответствующий идеологический настрой демонстрируют письма переселяемых красноармейцев: «Мы будем зорко глядеть, там еще кое-где в дырках засели кулаки, всех вытравим» [Тархова 2010: 250–251].

11 сентября 1933 г. в Москве утверждается предполагаемая начальная разрядка переселяемых красноармейских семейств по районам и станицам Азово-Черноморского края – 12 000 чел.¹ Отчеты политотдела МТС за 1933 г. содержат сведения организационного и хозяйственного характера о красноармейцах-переселенцах. Так, в станице Старолеушковской организованы 3 полеводческие бригады из переселенцев-красноармейцев общей численностью трудоспособных в 89, 79 и 96 чел.²

С целью стимулирования и закрепления на новом месте переселенцам выделялось жилье, в основном за счет домов репрессированных местных жителей, причем особо отмечалось, что «необходимо обеспечить ремонт жилья для вселяемых кухонными плитками, гвоздями, стеклом. Также поставить вопрос о долгосрочных кредитах для вселяющихся на хозяйственное обзаведение». Уделялось большое внимание продовольственному и хозяйственному вопросам обеспечения переселенцев: «обязать МТС первоочередным обслуживанием красноармейских бригад для того, чтобы эти бригады находились в наиболее благоприятных условиях в колхозах. Колхозы обеспечивают вселяющихся овощами, картофелем, подсолнечным маслом»³.

Соответствующей была и идеологическая подготовка. Среди переселенцев распространялись брошюры, которые должны были показать, что выселение местных жителей связано с их враждебной и вредительской работой: «В станице Полтавской нет жеребят, казак, когда-то славившийся своею любовью к коню, граблями бьет по брюху колхозную жеребую матку» или: «...казаки делали землю “черной, как под горкой в тени”, заборонывали, но не сеяли, не бросали в землю не единого зернышка» [Радин, Шаумян 1932: 7].

Как в этой ситуации строился диалог между местным населением (казаками) и переселенцами (красноармейцами)? Переселенцы-красноармейцы в основном тоже были крестьянами и сами сталкивались с проблемами коллективизации. Можно предположить, что ненависти к местному населению они не испытывали. Однако установлению нормальных отношений в значительной степени мешала идеологическая пропаганда, которая с целью обоснования проводимых в регионе мероприятий представляла казаков как идеологических врагов, по отношению к которым невозможен компромисс. Переселенцы-красноармейцы, напротив, были

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13–14.

поставлены в привилегированное по отношению к местным жителям положение с помощью различных льгот, и тем самым опять же противопоставлялись им. Это значительно осложняло процессы взаимодействия и адаптации. Результатом идеологической пропаганды стало формирование в сознании двух взаимодействующих сторон соответствующих стереотипов, которые в значительной степени способны определять и направлять процессы социального взаимодействия. А конфликты во взаимодействии в свою очередь осложняли процессы адаптации и в ряде случаев приводили к бегству переселенцев.

Адаптацию на новом месте можно считать успешной, когда переселенец и местный житель смотрят друг на друга как на индивидов, а не представителей некоей социальной группы. Но в условиях Северо-Западного Кавказа этот процесс осложнялся исторически сложившимся противостоянием: «казаки – иногородние», «казаки – кацапы» и т.п. В итоге переселенцы воспринимались местными жителями не только как чужаки, прибывшие по решению и при поддержке власти, но прежде всего как «не казаки», «кацапы», носители иных культурных норм и ценностей. Такое восприятие наглядно демонстрируют материалы экспедиции РГГУ 1989 г. под руководством Д.Н. Хубовой. Интервью со станичниками – местными жителями четко воспроизводят эти стереотипы: «У нас их [переселенцев] называли кацапы. Они... сами по себе грязные. В комнатах у них тоже: и свинья в комнате, может, и теленок в комнате.... А дом... Будут жить до тех пор, покуда он до такой степени не развалится, что уже в нем жить нельзя» [Хубова 1995: 85].

Переселенцы, в свою очередь, оказавшись в напряженной ситуации и встретив неприязнь со стороны местных жителей, также формируют и воспроизводят негативный образ казака. «Во двор детей мы первое время боялись пускать. Сидели дома: местные – казаки мастерили капканы и ставили их у наших дверей, в траве, вокруг дома, у колодца». «Плохо жить было, очень плохо. Как услышат, что мы по-русски говорим: “А-а! Кацапки!” И нас матом гонят с очереди. Ну, а потом немножко лучше... разогнали их, увезли их всех, куда – не знаю...» [Хубова 1995: 85].

Местные жители – казаки наделялись такими негативными качествами, как лень, бесхозяйственность, безынициативность. В этом ключе звучат и выступления переселенцев: «Колхозники Кубани голодали потому, что не хотели работать. Они сами виноваты в этом. На Кубанской земле мы быстро разбогатеем, покажем ударные темпы и добьем кулака»¹.

Но адаптация переселенцев осложнялась и вследствие объективных причин. Недостатки в устройстве и снабжении зачастую вызывали у переселенцев отрицательные настроения и, как следствие, приводили к случаям бегства. Так, почти все красноармейцы-одиночки ушли обратно. Среди переселенцев нередкими были такие разговоры: «При вербовке нам обещали полное обеспечение на месте. Гарантировали свободное возвращение по домам в случае, если не понравятся станицы. Здесь нам ничего не дают, станицы заросли бурьяном, колхозы неблагоустроены. Отправляйте нас обратно»².

Со временем в настроениях переселенцев появляются сомнения в правильности самой политики. В спецсообщениях секретно-политического отдела ОГПУ отмечаются случаи антисоветских выступлений среди переселенцев: «В Ново-Деревянковской МТС со стороны отдельных переселенцев отмечены а/с [антисоветские] выступления: “...мы не крепостные, не захотим работать, силой не заставьте. Нам будет то же, что и местным жителям. Их морят голодом”», «...не намерены здесь голодать и кормить швей. Если колхозникам зимой не дадут хлеба, то они сложат знамена и пойдут по другому пути развития»³.

В отдельных случаях ситуация действительно была критической, переселенцы терпели лишения и голод наряду с местными жителями. Переселенцы обвиняли в этом власти. Показательными являются письма красноармейцев из станицы

¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 20.

Уманской: «Живем очень плохо, почти по суткам живем голодные. Сейчас сеем, сеять не на ком, лошади стали... приходится пахать и сеять на людской силе. Хлеба дают, что корм, 400 г на день...»¹.

Сухудшением положения появляется такой феномен, как «обратничество» (социальная практика возвращения, бегства переселенцев с новых мест проживания на территорию исхода), которое на Северо-Западном Кавказе принимает масштабные формы. Согласно сведениям контрольных органов за 1936 г. в целом по районам Азово-Черноморского края «обратники» составили 55%².

Н.С. Тархова говорит о двух группах дезертиров с Кубани – конкретных и косвенных. К косвенным причислялись те, кто написал своим семьям, чтобы они не приезжали, надеясь на то, что без семьи их отпустят домой. Эту группу в основном составляли досрочно демобилизованные красноармейцы, право быть «вольным гражданином» они могли получить лишь после полного окончания срока службы [Тархова 2010: 254-255].

Местное население, настроенное против переселенцев, развернуло активную практику запугивания, которая лишь подстегивала бегство. Переселенцам угрожали, подбрасывали записки, известны случаи нападения и насилия по отношению к ним. В записках писали: «Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно...», «Мы тут подышаем с голода и от малярии, и с вами то будет»³. Случаи открытых нападений побуждали переселенцев-красноармейцев требовать от власти защиты или возможности защищаться самим. Из доклада С.Н. Кожевникова руководству ПУ РККА: «Народ требует, чтобы им выдали какое-нибудь оружие... Со своей стороны считаю, что оружие дать им нужно, и прошу Вашего разрешения выдать им кое-что из забракованного оружия для самообороны» [Тархова 2010: 256].

Однако постепенно местное население смиряется с необходимостью присутствия мигрантов. В условиях запустения и хозяйственной разрухи они начинают восприниматься как неизбежность и даже как необходимость. По воспоминаниям И.Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, приезд переселенцев спас станицу от гибели: «Станица немного ожила. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете»⁴.

Постепенно внешние проявления неприязни между переселенцами и местными жителями сходят на нет. Это заметно по газетным публикациям, сводкам и донесениям. Краевые газеты за 1934–1935 гг. практически не упоминают о конфликтах между казаками и переселенцами-красноармейцами, большая часть материалов сообщает о выполнении планов красноармейскими колхозами, выдвижении бывших переселенцев на руководящие должности и т.д.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно охарактеризовать ее как чрезвычайную. Неэффективность административного подхода к переселению и закреплению мигрантов была очевидна. Задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере не была реализована. Несмотря на компенсационные миграции, численность населения региона существенно сократилась. Кризис и противоречия во взаимодействиях местного населения и переселенцев осложняли хозяйственно-экономическую ситуацию в регионе. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Северо-Западном Кавказе хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и лишений.

Список литературы

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л. 300; *Голод в СССР. 1929–1934*: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. 2012 (отв. сост. В.В. Кондрашин). М.: МФД. С. 472-474.

² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 95. Л. 53-54.

³ ЦДНИКК. Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.

⁴ Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы, ст-ца Уманская). 2002. – *Родная Кубань* (литературно-исторический журнал). № 3. С. 51-61.

Радин А., Шаумян Л. 1932. *За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края*. Ростов н/Д. 15 с.

Тархова Н.С. 2010. *Красная армия и сталинская коллективизация 1928–1933 гг.* М.: РОССПЭН. 375 с.

Хубова Д.Н. 1995. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах. — *Голод 1932–1933 годов: сборник статей* (отв. ред. Ю.Н. Афанасьев). М.: РГГУ.

RAKACHEV Vadim Nikolaevich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Sociology, Kuban State University (Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040; midav.sf@rambler.ru)

RELATIONS BETWEEN INDIGENOUS AND MIGRANT POPULATIONS IN THE NORTHWEST CAUCASUS DURING IMPLEMENTATION OF COMPENSATORY MIGRATION PROGRAMMES IN THE 1930s

Abstract. The article considers the period of 1930s, when the state actively implemented so-called administrative approach to the migration flows management. It allowed controlling the relocation of large groups of people according to the political and economic decisions. The approach was particularly used during the period of grain procurement in the Northwest Caucasus, when a part of the local population, accused of sabotage, was evicted to Siberian and the Far Northern regions. The deserted territory was populated by the loyal to the Soviet government population – demobilized soldiers of the Red Army. On the basis of the archival documents, that were not previously used in scientific circulation, the author demonstrates the difficulties of the migrants' social adaptation as well as hardships and tragedies that often formed their relationships with the local people.

Keywords: compensatory migration, Stavropol, Kuban, indigenous population, migrants, social interaction, adaptation

УДК 94(47+57)(470.2326)

НИКОЛАШИН Вадим Павлович — к.и.н., ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Россия, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101; nikolashin.vadim@yandex.ru)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТВЕРЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1918 гг.)

Аннотация. В статье анализируется проблема становления советской власти в черноземной деревне. Политический прагматизм большевиков и использование аграрной программы эсеров по социализации земли упростили задачу прихода к власти в центре. Однако для удержания влияния на местах, а также для укрепления своих позиций в деревне потребовалось несколько месяцев. При этом был совершен ряд значительных ошибок, которые привели к росту антагонизма между властью и деревней, переросшего впоследствии в ряд крупных крестьянских восстаний.

Ключевые слова: советская власть, деревня, социализация земли, большевики, крестьянство

Власть как политический институт на протяжении веков являлась краеугольным камнем российской государственности. Революционный взрыв 1917 г. разрушил фундамент структуры взаимодействия власти и деревни. Ликвидация имперской системы управления привела не только к утрате контроля на низовом уровне,